

Глава 50

По стопам преподобного Паисия

Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!

Пс. 132:1

Хотя, как говорил Евгений, они и были «духовными первопроходцами» в современной Америке, братия сознавали, что они не одиноки, что затея их отнюдь не нова, она проверена многовековым опытом. Конечно, братия понимали, что полностью воспроизвести жизненный уклад великих православных отшельников им не удастся. Но читая о них, обращая к ним молитвы, хотя бы в малом разделяя их подвиг, братия непостижимым путем приобщались жизни этих святых угодников, черпали силы для своей брани. Да, они начинали битву, в которой их великие предшественники уже победили.

Говоря словами Глеба: «Старцы святые были путеводными огоньками во мраке нашего малодушия и соблазнов, их свет помогал маленькому скиту не сбиться с пути».

Живя в пустыни, братия чувствовали духовное родство с русскими подвижниками XVIII–XX веков. Евгений и Глеб продолжали их традиции, восходившие к преп. Паисию Величковскому († 1794)¹, он возродил на Руси святость. В XVIII веке православное монашество держалось главным образом внешних форм подвижничества, а «умное делание», таинственная жизнь в Боге, т.е. суть святоотеческого учения, была забыта. Юношей отправился Паисий на Афон, дабы воскресить это учение, и после долгих поисков обнаружил бесценные рукописи, о которых не ведали даже тамошние монахи. Всю жизнь Паисий посвятил переписке, переводу и распространению этих текстов, собрание коих под названием «Добротолюбие» было позднее издано на различных языках.

Старец Паисий оставил миру бесценное духовное наследие, указал путь монашеству, во многом повлиял на течение православной жизни. Ученики его понесли в народ дотоле доступные лишь немногим святоотеческие традиции, всколыхнули монашескую жизнь. Сколько святых с той поры подарили Румыния, Россия, Афон! В России возродился Валаамский монастырь, преп. Герман Аляскинский был в духовном родстве со старцем Паисием². Да и Оптиная пустынь не достигла бы своего величия и славы, не будь ее старцы непосредственно вдохновлены учениками преп. Паисия Величковского.

¹ Русская Православная Церковь прославила этого святого в 1988 году.

Самым важным для Глеба и Евгения являлось то, что их собственные духовные наставники — о. Адриан, о. Герасим, Иван и Елена Концевичи, о. Митрофан, еп. Нектарий — донесли традиции старца Паисия до наших дней. «Невзирая на мои слабости и промахи, — писал Глеб, — я взращен моими любимыми учителями по образу, начертанному преп. Паисием».

Евгений необычайно воодушевлялся, когда во время трапезы читались житие или писания преп. Паисия, видно, чувствовал, что их призвания с этим святым схожи: оба неистово искали Истину, а найдя, положили всю жизнь, чтобы донести ее до других людей. Евгений написал однажды, что «жизнь преп. Паисия особенно важна нам еще и потому, что почти в наши дни нашелся человек, живший по древним святоотеческим заповедям... Это жизнь Святого в теперешние времена. Духовность той поры мало отличалась от нынешней: искушения, выпавшие ему, во многом знакомы и нам; вопросами, которые мучают нас, задавался и он, более того, он ответил на них». Борьба преп. Паисия на стезе монашества была понятна и близка Евгению: многое из этого он познал на своем опыте. А высокое духовное трезвение и сердцем выстраданное покаяние великого старца стали для Евгения образцом в его христианском служении.

Евгений утверждал, что «для православных христиан XX века преп. Паисий Величковский — важнейшая фигура в современном святоотечестве. Не только по святости жития, не только потому, что он, как и св. Григорий Палама, отстаивал важность непрерывного творения Иисусовой молитвы, и даже не потому, что ученики его способствовали расцвету монашества в XIX веке (самый яркий пример тому — оптинские старцы). А потому, что сумел обратить взгляды православных к истокам Святого Православия, что суть основа духовной жизни, как в прошлом, так и в настоящем, как для монахов, так и для мирян»³.

Истоки эти — Священное Писание и учение святых Отцов — питали Евгения с Глебом, оберегали от многих духовных бед, подстерегающих пустынножителей: от козней дьявола до греховности своего падшего естества. За выживание духовное приходилось бороться не меньше, чем за физическое. Старец Паисий наставлял свою монастырскую братию:

«Егда же удалитесь от внимания и чтения отеческих книг, то ниспадете от мира Христова и внидет в вас мятеж, молва и неустроение, душевное смущение, колебание и безнадее, друг же на друга роптание и осуждение: и за умножение сих изсякнет любы многих, паче же мало и не всех: и аще сия тако будут, разорится имать вскоре и собор сей, первее душевне, по времени же и телесне»⁴.

Еще до ухода в пустынь братия избрали житие и учение преп. Паисия своим духовным руководством. Сама идея скита с двумя-тремя братьями, живущими едино, подсказана была опытом великого старца.

В юности живя на Афоне, Паисий несколько времени жил отшельником. Однако же навестивший его старец схимонах Василий из румынского скита Пойана Мэрул отсоветовал юноше до поры отшельничество. Он поведал:

«Всё монашеское жительство разделяется на три вида: первый — община, второй именуется царским или средним путем, когда, поселившись вдвоем или втроем, имеют общее имущество, общую пищу и одежду, общий труд и рукоделие, общую заботу о средствах к существованию и, отвергая во всем свою волю, повинуются друг другу в страхе Божиим и любви. Третий вид — уединенное отшельничество, пригодное только для совершенных и святых мужей...

Лучше живя вместе с братом познавать свою немощь и свою меру, каяться и молиться перед Господом и очищаться вседневною благодатию Христовой, нежели, нося в себе

² Любопытно: преп. Герман скончался в тот же день, что и преп. Паисий (15/28-го ноября), только 42-мя годами позже.

³ Schemamonk Metrophanes. *Blessed Paisius Velichkovsky*. Platina, California, 1976, p. 13.

⁴ Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. М., 1892, с. 365.

тщеславие и самомнение с лукавством, прикрывать их и питать уединенным жительством, которого и следа, по слову преп. Иоанна Лествичника, им нельзя видеть вследствие их страстности. И великий Варсонофий говорит, что преждевременное безмолвие является причиною високоумия»⁵.

Средний, или «царский», путь называется еще скитской формой монашества. Такое ярмо, писал преп. Паисий, не столь тяжело, но смиряет более, чем жизнь анахоретом или большой монастырь:

«Царским же путем ходити советует св. Василий Великий: сиречь, со едином или двема имети пребывание; понеже таковое житие удобнейшее есть многим, яко не толико великаго терпения, якоже во общежительстве требующее, но есть мало отраднейшее. Еже бо повинутися во всем единому своему отцу или с ним живущему брату, не толико есть чудно, и меньше терпения треба»⁶.

Выслушав румынского старца, Паисий признал, что ему и впрямь лучше выбрать «царский» путь. По Божьему промыслу он получил такую возможность, встретившись с молодым монахом Виссарионом. Как и Паисий, тот пришел на Афон в поисках духовного наставника, но не преуспел в этом. Встретив Паисия и побеседовав с ним о духовном, Виссарион задумался: «Что прочее ищю?» Житие преп. Паисия так описывает эту сцену:

«Виссарион паде Паисию на нозе со слезами, и моляше отца, да примет его в послушание: Старец же ниже слышати хотяше, да будет кому начальник, сам бо под началом быти хотяше. Той же прилежнее припадая со многими слезами, три дни неотходне моляше прияти его. Отец же видя таковое брата смирение и слезы, умилился и приклонися прияти его, не во ученика, но в друга, еже жити средним путем в двоих, и ему же Бог дарует более разумети во Святом Писании, друг другу открывати волю Божию, и подвизати на делание заповедей Божиих, и на всякое благое: отсецати же друг пред другом волю свою и разсуждение, и послушати друг друга во благое, душу едину и предложение едино имети, и вся к состоянию живота своего имети обща»⁷.

Сам же Паисий так рассказывает о том, как выбрал «царский» путь и в чём его суть:

«Не обретши же, за многия благословные вины, где бы повинутися, умыслих царским путем житие свое проходить, со единым единомысленным и единомушным братом: вместо же отца, Бога имети себе наставника, и учение святых Отец, и повинутися друг другу, и послужити: душу едину и сердце едино имети, и всё к состоянию своего живота имети обща, ведяща сей путь монашества свидетельствуем святыми Отцами от Священнаго Писания.

Таковому же моему брату предложению Богу поспешившу, прииде на Святую гору, мне во всем единомыслен брат... и начат жити со мною единомушно. И тако, благодатию Христовою, отчасти душа моя обрете некую отраду и многожеланный покой, сподобльшуся и мне окаянному, поне след некий видети пользы святого послушания, еже друг ко другу имехом чрез отсечение наших волей, вместо отца и наставника имуще учение святых Отец ваших и повинующеся друг другу в любви Божией»⁸.

В этом коренилось правило, введенное Евгением и Глебом с первых лет в скиту, — «взаимное послушание». Вместо послушания богоносному старцу, они подчинялись друг другу, внимая учению святых Отцов, отсекая свою волю и мнение перед лицом брата. В скиту, в отличие от жизни мирской, они испрашивали благословения друг у друга на любое дело. Это помогало не только отсекать своеволие, но и сохранять главное условие монастырской жизни — единение душ.

До переезда в Платину братия приобщились еще одного древнего монашеского принципа — откровения помыслов. Как некогда Паисий с Виссарионом, так и Евгений с Глебом в отсутствии духовного отца поверяли друг другу смущающие их помыслы. Их объединяло одно дело, одни заботы, и исповедуясь друг другу, они тем самым поддерживали

⁵ Schemamonk Metrophanes. *Blessed Paisius Velichkovsky*. Platina, California, 1976, pp. 63–64.

⁶ Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. М., 1892, с. 142.

⁷ Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. М., 1892, с. 39–40.

⁸ Там же, с. 231–232.

единодушие. Для иных людей, не достигших духовного родства, такое правило лишь во вред: могут родиться греховные, осудительные помыслы. Посему рекомендовать его всем не стоит.

В 1970-м или 1971-м году Евгений написал Устав Братства, из коего видно, что в основу положены заветы преп. Паисия:

«Цели Братства преп. Германа Аляскинского, основанного по благословению блаженной памяти архиеп. Иоанна (Максимовича):

1. В монашеской жизни как можно более соответствовать традициям и духу православных пустынножителей всех времен, в особенности недавних: пустынников Северной Фиваиды, оптинских и валаамских старцев, обитателей скитов и пустыней Сарова, Санаксара и Брянска, равно и прочих родственных им по духу. Подобно им бежать мира и всего мирского; жить во взаимном послушании, в лишениях, отрекаясь от своей воли, поддерживая друг друга на узком пути ко спасению; изначально не ставить жизнь Братства в зависимость от какой-либо организации или лица извне (согласно завету преп. Паисия Величковского), но общим советом находиться в послушании старшего из братии; следовать лучшим традициям Русской Православной Церкви, особенно тем, которые передал архиеп. Иоанн (Максимович).

2. Постоянно напитываться духовно житиями святых Отцов Православной Церкви, донесенных преп. Паисием и оптинскими старцами; переводить их на английский, вразумляться ими и применять их мудрость в своей жизни.

3. Распространять святоотеческое православное учение среди всех жаждущих, главным образом с помощью печатного слова; подвигать людей на то, чтобы строили на этом учении свою христианскую жизнь».

Каждый пункт Устава отражал житие преп. Паисия: старец не только учил взаимному послушанию и изучению святоотеческих книг, но и сам позже распространял учение святых Отцов, печатая книги у себя в монастыре.

П ример монастырской духовной жизни преп. Паисия нашел много последователей за два века: не счесть святых во всяком православном краю. И на американской земле возрос преп. Герман Аляскинский, так почему же, задавались вопросом братия, не расцвести святости в Америке? Конечно, имя преп. Паисия неизвестно подавляющему большинству американцев (в том числе и православных), и братии выпало «пахать новину» дикого Запада в Платинской пустыни, дабы заронить семена мудрости преп. Паисия для грядущих поколений.

Иеромонах Дамаскин (Христенсен). «Не от мира сего. Жизнь и учение о. Серафима Роуза». «Русский паломник». М.: 1995. Стр. 360–366